
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 48—66.

Woman in Russian Society. 2025. No. 2. P. 48—66.

Научная статья

УДК 711.47(470)+001.89-055.2

EDN: <https://elibrary.ru/mwshxv>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.2.4

УСПЕШНЫЕ ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНЫЕ В СОВЕТСКИХ НАУКОГРАДАХ 1950—1960-х гг.: ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ, ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Наталья Львовна Пушкарева, Александр Владимирович Жидченко

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформаций в карьере и повседневной жизни трех успешных женщин-ученых, чьи судьбы в 1950—1960-х гг. оказались связанными с наукоградами. В их числе физик Е. Н. Кладницкая (г. Дубна), математики Л. В. Келдыш (г. Жуковский) и П. Я. Кочина (новосибирский Академгородок). Исследование, соединившее антропологию академической жизни, историю женской повседневности и городскую антропологию, выполнено на материалах источников личного происхождения, публикаций в периодической печати и личных архивов авторов. Доказано, что новые советские наукограды позволили сформировать уникальную социокультурную городскую среду, в которой женщины-ученые смогли раскрыть свой научный потенциал, осознать профессиональное призвание и самореализоваться в семейной жизни, хотя на уровне бытовых повседневных практик в новых советских наукоградах особых преференций именно для женщин создано не было.

Ключевые слова: женщины-ученые в СССР, наукоград, повседневность, социальная память, эгодокументы

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00212 «Женская семейная память в России XVIII—XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия» (рук. Н. Л. Пушкарева), <https://rscf.ru/project/24-18-00212/>.

Для цитирования: Пушкарева Н. Л., Жидченко А. В. Успешные женщины-ученые в советских наукоградах 1950—1960-х гг.: жизненные стратегии, особенности повседневности // *Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 48—66.*

Original article

SUCCESSFUL FEMALE SCIENTISTS IN SOVIET SCIENCE CITIES OF THE 1950—1960s: LIFE STRATEGIES AND FEATURES OF EVERYDAY LIFE

Natalya L. Pushkareva, Alexander V. Zhidchenko

N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, pushkarev@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of transformations in the careers and daily lives of three successful female scientists, whose destinies were tied to science cities in the 1950—1960s. Among them are physicist E. N. Kladnitskaya (Dubna), mathematicians L. V. Keldysh (Zhukovsky) and P. Ya. Kochina (Novosibirsk Akademgorodok). The study, which combined the anthropology of academic life, the history of women's everyday life and urban anthropology, was carried out using materials from personal sources, publications in periodicals and personal archives of the authors. The authors proved that the new Soviet science cities made it possible to create a unique sociocultural urban environment in which female scientists were able to reveal their scientific potential, realize their professional calling, and self-realization in family life. However, in the new Soviet science cities, no special preferences were created specifically for women at the level of everyday practices.

Key words: female scientists in the USSR, science city, everyday life, social memory, egodocuments

Acknowledgements: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 24-18-00212 “Women's family memory in Russia in the 18th—21st cc.: forms of transmission, dynamics of transformations, social mission” (leded by N. L. Pushkareva), <https://rscf.ru/en/project/24-18-00212/>.

For citation: Pushkareva, N. L., Zhidchenko, A. V. (2025) Uspeshnye zhenshchiny-uchēnye v sovetskikh naukogradakh 1950—1960-kh gg.: zhiznennye strategii, osobennosti povsednevnosti [Successful female scientists in Soviet science cities of the 1950—1960s: life strategies and features of everyday life], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 48—66.

Один из классиков отечественной генетики — В. П. Эфроимсон, увлеченный темой рождения гениальности, нацелил ученых гуманитарного профиля изучать наилучшие условия для самореализации личности. Сам он выделял среди переменных, влияющих на превращение личности в выдающуюся и затем гениальную, такие факторы, как образование и самообразование, воспитание и самовоспитание, наставничество и трудовая деятельность, но на первое место он ставил общественно-историческую среду (из которой призывал не исключать и непредвиденных событий, счастливых случаев) [Эфроимсон, 2019]. Этот призыв заставляет задуматься над жизненными историями российских женщин-ученых, которых счастливый случай привел в локусы, где научная работа была не просто востребована, но находилась в приоритете.

Цель обращения к такой теме — выявление топик в историях совладания с экстремальными обстоятельствами, в достижении женщинами задач существенной личностной самореализации (большей, чем у обычных людей). Наличие рассказов женщин о себе в воспоминаниях, описания их жизненных стратегий,

осмысленных и пережитых современниками и коллегами (и попавших в разные виды источников), позволяет понять, какого же рода обстоятельства и счастливые случаи усиливают успешность женского жизненного сценария, если он разворачивается в академической среде.

Возросший интерес к просопографии как методу, позволяющему изучать динамические изменения, происходящие в определенный период времени с группой объектов, чаще всего человеческих судеб, — явление, сопровождающее антропологический поворот в исторической науке. Его подпитывают история повседневности, городская антропология и (в нашем случае) женская история, обогащая спектр эвристических проблем современной науки. Теоретические разработки, а следом за ними и практически ориентированные труды сначала западных, а затем и отечественных исследователей открыли возможности междисциплинарных изысканий, связанных с анализом особенностей жизни академического сообщества, в том числе — стилей жизни самых ярких его представительниц. В рамках таких изысканий — и тема повседневной жизни женщин-ученых.

Эта тема долго пробивала себе путь в пространстве мировой и отечественной научной мысли, лишь на рубеже XX—XXI вв. пройдя институционализацию [Белова, 2013] и став заметным направлением российского историописания. Отмеченный факт иллюстрируют работы авторов данного текста, а также И. В. Богдашиной, О. А. Вальковой, Е. А. Долговой, О. И. Секеновой (см., напр.: [Пушкарева, 2014; Богдашина, 2023]). Совсем редким явлением предстает изучение быта тонкого слоя женщин-ученых, достигших академических высот (доктора наук и выше). Такого рода публикации, как правило, принадлежат перу зарубежных исследователей (см., напр.: [Sentker, 2007]). Авторы поставили своей задачей (сопутствующей просопографии академических жизней) рассмотреть тему сохранения памяти об успешных женщинах-ученых, которым повезло работать в особых условиях — в городах науки, созданных на волне послевоенного интереса к научным разработкам и жизни ученых.

Феномен советских наукоградов в последнее время привлекает внимание многих урбанистов [Гаврилова, 2013; Власова, 2010; Пискунов, 2020]. Сама идея создания городов науки в «золотое двадцатилетие» (1950—1970-е гг.) [Научное сообщество... , 2007] была увязана с необходимостью решения стратегических проблем советской экономики в ее геополитическом противостоянии капиталистическому миру в годы холодной войны. Именно задачи военно-промышленного комплекса определили в конце 1940-х гг. создание научно-технической базы для основания авиаграда Жуковский (а в нем Центрального аэрогидродинамического института и Летно-исследовательского института им. М. М. Громова), наукограда Дубна (а в ней Объединенного института ядерных исследований), для строительства в 1957 г. новосибирского Академгородка при только что возникшем Сибирском отделении АН СССР. Позже военно-стратегические задачи ушли на второй план, а на первый вышло создание новых технологий (на базе тесных связей с университетами), взаимодействие с академическими структурами во имя научных открытий. Продолжая эту тенденцию, в XXI в. вместо наукоградов стали возникать уже технополисы (подобные Иннополису недалеко от Казани или Сколково на окраине Москвы) — площадки для мозговых научных штурмов, проведения форумов и конференций, деловых встреч и стратегических сессий.

Социально-половой дисбаланс в советской науке середины XX в.

Чтобы оценить условия работы женщин в наукоградах, необходимо вспомнить, что в советских академических и образовательных структурах второй половины XX в. работали тысячи женщин. Достаточно сказать, что с 1950 по 1970 г. численность научных работников в стране увеличилась в 5,7 раза: со 162,5 тыс. в 1950 г. до 927,7 тыс. в 1970 г. [Аллахвердян, 2013: 246]. Степень феминизации НИИ зависела от сферы применения знаний: от 48,8 % в науках в целом на конец советской эпохи до 59 % в социальных науках [Агамова, Аллаxвердян, 2013: 249]. Среди научных работников в научно-исследовательских институтах Академии наук СССР было 5700 женщин, но среди них всего 2 академика, 11 членов-корреспондентов, 141 доктор и 2127 кандидатов наук. Более 60 тыс. женщин вели в начале 1950-х гг. преподавательскую работу в вузах, но профессором-женщиной было до обидного мало (в МГУ им. М. В. Ломоносова, по данным на 1952 г., всего 22 профессора-женщины [Женщины — доктора наук, 1957: 15]).

Иными словами, процент женщин, занятых работой в НИИ и достигших профессорских и академических высот, рос очень медленно. Это явление, названное «стеклянный потолок», не было советской или российской социальной болезнью. Метафора феминисток для обозначения невидимого барьера в карьере женщин с высокими достижениями вполне применима и к западной науке: во всем мире абсолютное большинство директоров научных институтов, равно как деканов факультетов и профессоров, в XX в. составляли мужчины [Bourdieu, 1998; Connel, 2006]. Констатируя этот факт, большинство социологов сосредоточивались на поисках выхода из этой ситуации, стремясь уделить внимание именно основной массе женщин — научных работниц, оказавшихся дискриминированными. Куда меньше внимания уделялось изучению быта и труда тех, кто, преодолев все преграды, смогли вырваться из основной массы, стать успешными и признанными. Нам представляется важным обратить внимание на эту малую социальную группу. В рамках разработки большого научного проекта по изучению повседневности академического сообщества авторы полагают важным сосредоточить внимание на наукоградах. Что известно сейчас о жизни тех, кто ковал славу советской научной мысли полвека и более тому назад именно в городах, специально конструируемых для научной работы [Бессарабов-Гончаров, 2014], что было типично для женских судеб и карьер в них? Чем отличалась женская повседневность в городах новой науки? Являясь экспериментальными площадками градостроительства, создания в образцовой повседневной жизни и особого социокультурного пространства (в отличие, например, от новых рабочих городов в СССР в 1950—1960-х гг.), наукограды должны были — в идеале и в числе прочих проблем — решить вопрос гендерного дисбаланса в сфере профессионального труда, открыть широкие возможности для самореализации женщин-ученых, создать новые стандарты внедомашнего и домашнего быта, идеальные условия для научного творчества. Удалось ли достичь этой цели?

Беглый пилотажный обзор истории советских наукоградов заставляет заметить редкость упоминаний в истории научных открытий, сделанных в них, женских имен. Общий психологический настрой молодых ученых наукоградов формировался в то «золотое двадцатилетие» особым путем. Большинство

работавших в наукоградах женщин, выполнявших обслуживающие функции, делали техническую работу с воодушевлением: помогали с обсчетами количественных данных, перепечатывали тексты, следили за состоянием приборов, обеспечивали быт мужей и сыновей-ученых [Пушкарева, 2021]. В этом отношении советские наукограды ничем не отличались от зарубежных научных кластеров, вроде Силиконовой долины в США, где практически все женщины были также заняты технической, низкоквалифицированной, лаборантской деятельностью [Spencer, 2019]. Эта форма социально-половой дискриминации не была замечена и тем более осмыслена ни тогда, в СССР, ни сейчас, в РФ. Иное дело — американская историография и публичный дискурс в США, в которых ныне гневно осуждается очевидное неправомерное отношение к женщинам, имевшим достаточный уровень образования и профессиональных амбиций, чтобы делать научные карьеры (по книге о роли женщин в космической программе 1960-х гг. и о пережитых тогда трансформациях в отношении к женскому вкладу в науку даже снят художественный фильм) [Shetterly, 2017].

В России же неправомерное отношение к женщинам в научной среде выражалось не только в том, что им редко доверяли руководить крупными лабораториями, возглавлять научно-исследовательские институты, они редко получали правительственные награды. Повседневные задачи и особые, непроговариваемые и часто нерефлексируемые формы ответственности за близких, накладываемые на советскую женщину сложившимися социально-бытовыми практиками [Здравомыслова, Темкина, 2003], полностью закрывали для них карьерные возможности. Официально не проблематизируя в общественном дискурсе подобное неравенство, создатели советских городов науки 1950—1960-х гг. размышляли о создании наиболее благоприятных условий для научной работы для всех и как раз потому и старались дистанцировать ученых от производственных и бытовых «мелочей» [Визит французов...]. При проектировании наукоградов заранее предусматривались особенности их снабжения дефицитом, ускоренное строительство жилья и учреждений соцкультбыта, наличие инфраструктуры — детских яслей, школы, поликлиники в шаговой доступности [Растет и хорошеет город науки, 1961].

Как сложились судьбы нескольких, самых заметных в своем наукограде, женщин-ученых и можно ли выявить в этих судьбах что-то общее при всей разности сфер их профессионального труда и уровня достижений?

**«Я люблю нейтрино!»: судьба кандидата наук,
физика Е. Н. Кладницкой в подмосковной Дубне**

Научная судьба Евгении Николаевны Кладницкой (Лебедевой) (1929—2012), выросшей в семье учителей, была определена в начале 1940-х школьным преподавателем физики (*«фактически решил мою дальнейшую судьбу»*) [Кладницкая, 2020: 5]. После окончания с золотой медалью школы и поступления без экзаменов на физфак МГУ она жила в общежитии с шестью сокурсницами; ее научное становление происходило в условиях, далеких от тепличных (*«финансовые проблемы сказывались на качестве питания», «слушать и записывать не успевала»*, по выходным надо было ездить в Подмоскowie к родителям, *«помогать по дому и на огороде»*). Воспоминания, написанные Е. Н. Кладницкой на исходе жизни, не сохранили подробностей смены ею семейного статуса: на курсе

с нею оказался фронтовик Вадим Кладницкий, они «полюбили друг друга и на распределение пришли семейной парой», «о чем... никогда не жалела, прожив с ним без малого 50 лет» [там же: 7]. Выпускники физфака, лаборатории В. И. Векслера (задумавшего создать самый мощный в мире ускоритель элементарных частиц — синхрофазотрон), были приглашены им в 1952 г. в только начавшую строиться как особый город физиков Дубну (тогда это было Ново-Иваньково). Карьерный старт для обоих был отмечен отсутствием собственного жилья в столице, а «манком» представляла возможность отправиться «на Большую Волгу, на интересную работу» и получить свое жилье: «Нам, вчерашним студентам, предложили на выбор две двухкомнатные квартиры на первом этаже. Одна из них с окнами на юг (в тот момент залита солнцем), но без ванны, вторая с ванной, но на северную сторону». Мемуаристка выбрала солнечную сторону, поскольку... им «еще не довелось к тому времени пользоваться ванной» [там же: 8]. Начало семейной и научной жизни на новом месте символизировала нехитрая мебель: выделенные комендантом «железная кровать, столик и два стула».

Эта комната в доме и библиотека технической литературы, наравне с лабораторией Объединенного института ядерных исследований (ОИЯИ), возглавляемой В. И. Векслером, сформировали рамки рабочего места ученого. Научный руководитель настаивал на том, что надо начитывать литературу («...потом времени не будет», — уверял он, и спустя годы Е. Н. Кладницкая убедилась в его правоте). Образ жизни увлеченной наукой лаборантки в чем-то имел преимущество перед однокурсниками («...отдельная квартира, хорошая зарплата, которой хватало на приобретение новых вещей, шло обустройство квартиры, появился большой радиоприемник»). Но в чем-то другом он существенно отличался от московской жизни: «...газа до 1958 г. не было, пользовались электроплитками, топили дровами плиту, дрова (метровые бревна) покупали, пилили, кололи сами» [там же: 8—10]. Старожилки Дубны рассказали, что и воды горячей в те годы не было, «был титан в ванной, его топили дровами, потом стали побогаче, когда подвели центральный газ»¹.

И все же главным для научных работников (коими были Кладницкие) была отдельность проживания и наличие собственных пространств, своих комнат для работы. О значимости этой своей комнаты как метафоры условий экономической и творческой состоятельности женщины за 30 лет до того писала американка В. Вулф в эссе, так и названном — «Своя комната» [Эти загадочные англичанки, 1992]. Е. Н. Кладницкая не осознавала в тот момент значимость этого подарка судьбы в небогатые 1950-е, когда из развлечений для интеллигенции, оказавшейся запертой в тогдашней подмосковной глуши, было разве что кино, концерты самодеятельности и турпоходы (да и те однодневные, ибо «суббота была рабочим днем») [там же: 10]. Об особой значимости жилищного вопроса для молодых сотрудников Дубны в 1963 г. пел бард Ю. Ким, подчеркивая особенную атмосферу наукограда и готовность живущих там физиков селить у себя диссидентов типа П. Якира («Сын — в Москве? Без шуток — сын Якира? / Пожалуйста, у нас с женой квартира / Гигантская. Вот с ним бы — к нам бы, а?»)

---

¹ Воспоминания И. Т., 1942 г. р., г. Дубна. Запись 05.07.2022 (архив авторов).

[«Дубна, мечта моя...», 2020]. Наличие своей квартиры было для Е. Н. Кладницкой безусловно важным.

Центральное место в ее воспоминаниях занимает открытие лаборатории, в которой она работала и в решении задач которой принимала участие. За их перечислением потерялась дата защиты ею кандидатской диссертации; мельком (что более существенно для антрополога, анализирующего академическую повседневность) упомянуто рождение сына в 1956 г. («*Роддома в Дубне не было*» — рожать ездила к родителям в Серпухов [там же: 15]. По фотографии 1958 г., сохраненной семейным альбомом и сайтом еженедельника ОИЯИ, разместившим воспоминания и поздравления с 95-летием ученого (к тому времени Евгения Николаевна уже умерла), можно понять, что ребенок у супружеской пары физиков-экспериментаторов родился именно с получением квартиры после переезда в Ново-Иваньково. О том, что Е. Н. Кладницкая была заботливой мамой и бабушкой, коллеги по институту написали в ее некрологе [там же: 21]. Ее личные документы практически не содержат информации о частной жизни.

Имя Е. Н. Кладницкой вписано в историю советского атомного проекта как ученого, воспитавшего несколько учеников, продолживших начинания лаборатории В. И. Векслера, и написавшего полторы сотни научных работ [Сарданашвили, 2014], но так и не защитившего вторую (докторскую) диссертацию. В отличие от работавших в других наукоградах, прежде всего в Арзамасе-16 и Снежинске Е. А. Феоктистовой [Лобойко, 2009] или в Воронеже М. А. Левитской [Воронежцы, 2007: 362—366], которые были и докторами наук, и лауреатами Государственных премий [Фетисова, 2019], она не получила мировой известности. Восполнить несправедливость пыталась писательница Г. Е. Николаева (автор культовых советских романов «Битва в пути» о рабочих и «Жатва» о крестьянах). Она планировала в те самые «оттепельные 60-е» завершить трилогию романом о женщинах-физиках. Прообразом одной из ее героинь — физика-экспериментатора, посвятившего жизнь физике высоких энергий, — и стала Е. Н. Кладницкая. В поисках «советской Марии Кюри» Г. Е. Николаева приезжала в Дубну, сделала наброски романа (рабочее название его было «Сильное взаимодействие»), но закончить его не успела. Отрывок из романа, озаглавленный «Я люблю нейтрино!», был опубликован журналом «Наука и жизнь» после смерти писательницы, в годы огромной активности прототипов ее героинь, прежде всего Е. Н. Кладницкой.

Благодаря Г. Е. Николаевой тридцатилетняя на тот момент, рядовая по своему научному статусу и тогдашним заслугам научная работница вписала свое имя в историю российской науки посредством романтизированного и редкого образа женщины-физика (прославленного в те годы и фильмом «Девять дней одного года» М. И. Ромма) — женщины, влюбленной в науку, несмотря на преобладание в ней мужчин, «людей жесткой фокусировки»: «*Двухгодичный эксперимент... по двадцать четыре часа в сутки... Неудача... Все — зайцу под хвост... Болезнь без лечения. Обморок в лаборатории. Ошпаренные руки... Мужественная улыбка на лице*» [Николаева, 1968: 109].

Много лет спустя уже сама Е. Н. Кладницкая в своих коротких воспоминаниях о жизни в Дубне отметила: научные сотрудницы ОИЯИ, даже не помышлявшие о степенях и званиях, обеспечивали успех практической реализации теоретических построений, сформулированных мужчинами. «*Ежедневно в две*

смены 14 женщин вели просмотр пленок, полученных при облучении пропановых камер, на больших просмотрных столах», «отбирали и зарисовывали», проводили «измерение зарисованных событий». «Измерители, тоже женщины» обязаны были зафиксировать «от 8 до 20 координат», всматривались в микроскопы, «вели расчеты на ЭВМ по специальным программам» [Кладницкая, 2020: 18]. Е. Н. Кладницкая сама отдала лаборатории и исследованиям в ней полвека жизни и старалась сохранить в памяти благодарных потомков признательность именно женщинам Дубны — все тем же «просмотрщицам, измерителям», чья работа «требовала большого внимания, сосредоточенности и была очень ответственной». «Женщины с пониманием относились к своим обязанностям»; «Л. И. Аверьянова, Т. А. Журавлева, Т. Н. Кулагина и А. И. Соковнина отдали по 47 лет жизни важной для физиков и физики работе, спасибо им всем за их труд!» — писала Е. Н. Кладницкая [там же: 14]. Она не была замкнута на работе и домашних делах, напротив, была, как тогда говорили, «яркой общественницей»: организовывала поездки в московские театры, занималась созданием лабораторной библиотеки художественной литературы, в конце 1980-х, в пору попыток воссоздать женсоветы, возглавила таковой в Дубне.

Подводя итоги профессиональных успехов в воспоминаниях, написанных за два года до смерти, Е. Н. Кладницкая так и не коснулась темы своей семейной жизни, что не позволяет судить об эмоциональной окраске соотношения внедомашней трудовой составляющей и частной сферы. Она не без горечи констатировала перемены 2000—2010-х гг. («изменилась обстановка в стране»), в том числе низкие зарплаты сотрудников института в постсоветский период.

Профессор математики Л. В. Келдыш: многодетная мать в большой науке

Несмотря на самостоятельность научной карьеры Людмилы Всеволодовны Келдыш (1904—1976), ее фигура остается в тени более известного и признанного в науке брата — президента Академии наук СССР, одного из лидеров советской космической программы, академика М. В. Келдыша [Адян и др., 2005]. Людмила была первым ребенком, рожденным, когда семья жила в Оренбурге, Мстислав — пятым из шести детей. «Старшая дочь Людмила была довольно самостоятельной, всегда шла своим путем» (выбрав мехмат МГУ в начале 1920-х), общительной, и старшие не противились ее шумным друзьям в доме: «...молодежь собиралась часто, через него прошли будущие всемирно известные математики А. Н. Колмогоров, П. С. Александров, будущий муж Людмилы и будущий академик П. С. Новиков» (замужество девушки в 1936 г. совпало с ее поступлением на работу в Математический институт им. В. А. Стеклова). Безусловно считавшая мужа более одаренным, Л. В. Келдыш на протяжении всей жизни ставила его интересы выше собственных, помогала во всем, в том числе и в написании работы, за которую муж получил Ленинскую премию в 1957 г. [там же]. Это не помешало ей защитить собственную докторскую диссертацию в возрасте 36 лет (в 1940 г.) [М. В. Келдыш... , 2002]. Родив до 1941 г. трех сыновей, Л. В. Келдыш с большим трудом справилась с житейскими невзгодами в военное лихолетье, однако решилась сразу после войны родить еще двух дочек [Женщина-математик... , 2022].

Создание в 1947 г. авиаграда Жуковского оказалось событием этапным и для семинара, руководимого Л. В. Келдыш, и для повседневной истории семьи Келдыш [Адян и др., 2005]. Младший брат Людмилы (ставшей к тому времени доктором физико-математических наук, профессором) М. В. Келдыш немало тому способствовал, уступив семье сестры, в которой было пятеро детей, свой коттедж на территории нового подмосковного наукограда. Именитых ученых, имевших столичные квартиры и высокий статус в научных учреждениях столицы, нелегко было сподвигнуть на переезд в находящийся в полусотне километров от Москвы Жуковский. Жилищный фонд городка располагал квартирами для руководства институтов и семей академиков в построенных до войны «сталинках», где 100-метровые квартиры из 5 комнат были призваны стать достойной заменой московского жилья. Но, как и в случае с новыми кадрами высшей академической науки для Дубны, расчет был напрасным: жены и семьи ученых за город не ехали [Жидченко, Пушкарева, 2023].

Когда в конце 1940-х — начале 1950-х гг. застройку городка дополнили малоэтажным районом коттеджей на краю леса, получение дома с садовым участком и при этом со всеми городскими удобствами стало тем «манком», который заставил часть столичных академиков сделать выбор. Проживание в собственном доме с газовой плитой, ванной, «удобствами» стало причиной восприятия района как привилегированного, он тут же был поименован «Дворянское гнездо». Каждый дом имел большую веранду на 1—2 семьи, дома строились 2-уровневыми (редкость для того времени). В «крошечных садиках» перед коттеджами жены академиков и профессоров сажали цветы и ягодные кусты [Черниговский, 2019]. Индивидуальные коттеджи были символом уважения к ученым.

Въехав в дом вместо брата (к тому времени ставшего академиком), профессор Л. В. Келдыш не кичилась этим, детей воспитывала в строгости («...должны быть опрятно одеты и накормлены, но без всяких излишеств») [Женщина-математик... , 2022]. В доме было все очень аккуратно, пришедшего принято было приглашать к совместной трапезе. «На столе появлялись вкусные кушанья домашнего приготовления» [Гай, 1984: 75—77]. «Дворянское гнездо» не отличалось снабжением «для своих». Обитательницы отдельных домов ходили по тем же улицам в те же магазины, что и рядовые сотрудницы лабораторий, посещали те же концерты, гостевали друг у друга. «Все в этих домах было обычным. Те же блюда на столах, что и у нас дома. Все приветливы, дружны. Вот только комнаты тесноваты, я бы там жить не хотела», — признавалась жительница многоквартирного дома². Иными словами, условия жизни жительниц коттеджей были типовыми, советскими. Даже наличие гостиной с камином и отдельной комнаты-кабинета с письменным столом не меняло картины классической советской женской повседневности — с готовками, уборками, стирками, заботой о детях. О наличии прислуги в домах научной элиты в годы «оттепели» нет данных. Возглавившая в 1964 г. семинар по геометрической топологии [Раткин, 2011], воспитавшая плеяду учеников профессор Л. В. Келдыш убирала свой дом сама.

² Воспоминания С. Ю. Бирзак, из семьи служащих, г. Жуковский. Запись 14.01.2022 (архив авторов).

Скромность Людмилы Всеволодовны в домашнем быту сочеталась со скромностью на работе (внешний вид и одежда, общение с коллегами и учениками). Ее образ («одетая в черное платье с простым белым кружевным воротничком» [Сосинский, 2018: 28]) подтверждается и воспоминаниями, и фотографиями. Получив как ученый международное признание, она не удостоилась на родине той известности, которую заслужила. Она навсегда осталась в тени известного брата, «была абсолютно честным человеком... Математика для нее была не средством карьерного успеха, а целью жизни и объектом бескорыстной любви» [Сосинский, 2022].

При исполнении своих материнских обязанностей Л. В. Келдыш была столь же успешна, сколько и в науке, поскольку считала в делах воспитания главным личный пример и преобладание духовных ценностей над материальными [Сергей Петрович Новиков... , 2015: 168]. Такой подход позволил доктору наук быть счастливой супругой и разрушить стереотип о неизбежности выбора между карьерой и семейным благополучием. Трансформации в повседневности (смена Москвы на Жуковский) не стали для Л. В. Келдыш и ее мужа сложными испытаниями. «За обедом или за ужином обычно возникало непринужденное обсуждение новых публикаций, часто с участием гостей». О крепкой семейной связанности говорит и то, что Людмила Всеволодовна всего на год пережила мужа, и факт постоянной взаимоподдержки между сыновьями и дочерьми и их родителями и между собой [там же: 161—162]. Л. В. Келдыш не только родила пятерых детей, но и воспитала из них успешных научных сотрудников: двое ее сыновей стали академиками РАН, а младшая из дочерей является хранителем семейного архива Келдышей [М. В. Келдыш... , 2002].

**Академик П. Я. Кочина:
жизнь советского ученого в наукограде и вне его**

Жизнь будущего всемирно известного специалиста в области гидродинамики Пелагеи Яковлевны Кочиной (1899—1999) началась в безвестном селе Астраханской губернии, в многодетной крестьянской семье, которой удалось перебраться в Петербург. Гимназистка, затем выпускница Бестужевских курсов, она в 1919 г. стала студенткой Петроградского университета. С 1925 по 1933 г. преподавала на воздушном факультете в Институте путей сообщения, в 1933 г. стала его профессором, а в 1940-м защитила диссертацию, став доктором физико-математических наук [Пелагея Яковлевна Полубаринова-Кочина, 2013]. Сразу после войны, в начале 1946 г. П. Я. Кочина была избрана членом-корреспондентом АН СССР, набрав равное количество голосов с учеником своего мужа А. А. Дородницыным, который счел своим долгом уступить место женщине-профессору [Амирьянц, 2013].

Судьба замечательного советского ученого не только интересна достижениями в сфере математики, она важна для антропологов академической жизни в связи с личной историей Кочиной и динамикой жизненных стратегий [Белова, 2023]. Речь идет о крутой перемене в научной и личной судьбе П. Я. Кочиной, связанной с созданным на подъеме хрущевской оттепели новосибирским Академгородком. Известно, что, несмотря на свою научную многофункциональность и в отличие от «заточенной» под ядерную физику Дубны, Академгородок принимал больше

мужского населения, чем женского. Об этом говорят воспоминания и архивные источники: в конце 1950-х более 60 % приехавших туда по объявленному призыву составили мужчины; 14,5 % — «прибывшие по семейным обстоятельствам» пары, 18 % — одинокая молодежь [Новосибирский горархив], привлеченная «духом авантюризма и холодком неизвестности» [Ермиков, 2007: 20—21].

Ученые высокого ранга туда не стремились, слишком труден был быт, особенно зимой [Марчук, 1997]. Вот почему решение 60-летней П. Я. Кочиной, овдовевшей в 1944 г. матери двух дочек-близнецов (Ираида и Нина, на тот момент 22-летние), помочь в создании нового научного центра на востоке страны было сродни героизму. Ее не нужно было убеждать, что в Новосибирске будет интересная жизнь [Кочина, 2000]: она искренне верила, что в новых условиях научного городка поможет апробации иной модели организации повседневного быта и научно-исследовательской работы с несвойственной советской науке степенью автономности («...никакого покоя и единообразия. Никакого самодовольства и успокоения на достигнутом. Работать напористо и без всяких пауз в творчестве...») (цит. по: [Малых, Данилова, 2009: 142]).

Свое значение имело выделение правительством и АН СССР специальных «сибирских» вакансий для выборов в действительные члены Академии наук. Благодаря такой «сибирской квоте» П. Я. Кочина оказалась первой в СССР женщиной-академиком по отделению математических наук (1958 г.). После выборов она не могла обмануть ожиданий академика М. А. Лаврентьева и отправилась на работу в Сибирское отделение АН СССР. С 1959 г. она заведовала там отделом прикладной гидродинамики, с 1962 г. — кафедрой теоретической механики Новосибирского университета, призывая других женщин — научных работниц и жен ученых — последовать ее примеру [Кочина, 1974: 164]. Она не написала об этом в своих воспоминаниях, но очевидно, что переезд за Урал сулил самым амбициозным из них то же использование «сибирской квоты» для научного роста, что помогла П. Я. Кочиной. Во всяком случае, это произошло с экономистом Т. И. Заславской, которая приехала из Москвы («безденежье, теснота, ограниченность времени для работы») в Сибирь в 1963 г. кандидатом наук, а уехала через несколько лет — доктором и академиком [Аганбегян, 2014] и писала из Академгородка сестре, лингвисту М. И. Черемисиной, такие восторженные письма, что и та согласилась перебраться и потом навсегда осталась в Сибири.

С 1961 г. П. Я. Кочина жила в городке в просторной 2-комнатной квартире в новом капитальном доме. «Квартира академика <была> обставлена причудливой смесью из чешского гарнитура “Аллон” и ящичков из-под яиц, апельсинов и химреактивов, в которых приехал ее багаж» [Притвиц, 2002: 5]. Уборку квартир жительницы сибирского наукограда делали сами, в отличие от московских практик (жен столичных ученых), где это «было принято» перекладывать на домработниц. И все же значимую часть пространства их женского быта занимали культурные артефакты прошлого, привезенные из столицы «мелочи». К себе П. Я. Кочина была строга («Люди любят жалеть себя, а настоящая жизнь требует самоотдачи», — говорила она [Малых, Данилова: 2009: 144]).

Как Е. Н. Кладницкая в Дубне и как Л. В. Келдыш в Жуковском, П. Я. Кочина отличалась непоказным гостеприимством. В ее квартире с удовольствием останавливались гости из Москвы. В частности, именно у нее жил А. А. Вознесенский, когда приезжал в Академгородок (отец поэта был инженером-гидротехником, профессором, имя его было известно П. Я. Кочиной), посвятив позже истории своего гостевания такие строки в «Стихах из тайника» [Вознесенский, 2003]: *«Есть и удача в неудаче. / Назло врагу и трепачу / Живу у Кочиной, не плачу. / И за квартиру не плачу»*.

Это были непростые годы гонений на молодых поэтов, у академика в Сибири можно было найти успокоение. Приемы гостей в полученных от государства немаленьких квартирах были повторяющейся стороной женской научной повседневности наукоградов. Готовность принять приехавших, быстро всех угостить, самой убрать квартиру после посиделок — все это было нормой; как бы ни утомлял такой стиль жизни, он был привычным.

Сама же П. Я. Кочина уже тогда понимала, что другим женщинам в Академгородке не было предоставлено больших возможностей для вертикальной мобильности. Жены ученых были научными сотрудницами или выполняли близкую к научной сфере работу в административном аппарате НИИ [Володарская, Разина, 2017], не все сумели найти на новом месте подходящее занятие, одни сделались только женами, матерями и помощницами мужей, другие работали в редакции журналов [Кочина, 1974]. Оставаясь в тени мужской науки, она справедливо считала бесценным труд сотен женщин — лаборанток, технических сотрудниц и младшего научного персонала, без которых были бы невозможны фундаментальные исследования. Свой жизненный путь П. Я. Кочина позже сравнивала с путем Л. В. Келдыш, обе представляли достижения в области математики (сфера, где докторов наук в СССР 1950-х гг. было ничтожно мало [Кочина, 1988: 139]).

Т. И. Заславская — одна из тех женщин, кто оставил воспоминания о повседневном быте городка (помимо нее, это Н. А. Притвиц, Р. Л. Берг, О. Н. Марчук, М. И. Черемисина), описав его исключительно в позитивном ключе [Запорожченко, 2022]. Как и Т. И. Заславская, академик П. Я. Кочина, проработав в наукограде — новосибирском Академгородке — 12 лет, все же уехала оттуда и конец жизни провела в Москве, работала в Институте проблем механики АН СССР, заведя отделом математических методов.

Заключение

Представленные выше примеры осознанного выбора жизненных стратегий нескольких успешных женщин, живших в одно и то же время, позволяют задуматься о социальной среде, в которой происходило становление и развитие личностного потенциала Е. Н. Кладницкой, Л. В. Келдыш, П. Я. Кочиной. Она задавала систему ценностей и норм поведения, приняв которые, они достигли максимальной реализации профессионального потенциала (доктор наук, академик АН СССР), сформировали представление о своей жизненной миссии. Часто обсуждаемая социологами дилемма (выбор между семьей и профессиональной

успешностью) оказалась для них ничтожной. Все они были счастливыми женами научных работников (по совместительству преподавателей, разделявших их убеждения и представления о смысле существования), все три большую часть жизни провели бок о бок со своими избранниками, являя возможность создания яркой творческой женской личностью крепкой семьи, совместного воспитания детей и готовность наравне и рядом с супругами строить карьеру в наукограде.

Можно подчеркнуть исполненность всеми тремя женщинами-учеными типичных для того времени социальных ожиданий: осуществления каждой из роли гостеприимных домохозяек, готовых быть занятыми «вторую смену» — заниматься домашними делами, стиркой, уборкой, готовкой. Еще в большей степени это касается их материнских обязанностей: они предстали заботливыми матерями, а впоследствии и бабушками. Дочери Л. В. Келдыш к тому же выбрали науку сферой профессиональной занятости (не говоря уже о ее сыновьях, достигших вершин академического олимпа).

Создание наукоградов — поселений городского типа с высокой концентрацией интеллектуального и научно-технического потенциала — было частью масштабного проекта изменения быта ученых. При всех попытках организовать снабжение наукоградов, они не могли полностью освободить женщин, занятых наукой, от домашних бытовых обязанностей. У них не было привычной для столичных академиков возможности нанять прислугу, долго не было специальных условий для развития детей, однако относительная территориальная изолированность тех городов и их научных организаций от столичной суеты и массовости позволила отдельным женщинам-ученым именно здесь обрести заслуженное признание и высокие звания. Не растворившись в общесоюзной науке, они сумели утвердить свое имя в локальном социокультурном пространстве, быстрее (чем это было бы в столицах) преодолеть «стеклянный потолок».

Уникальная атмосфера наукоградов, игравших роль витрин социализма, рождала особенные практики повседневности, окрашенные визитами именитых гостей, наполненностью культурной жизни, возможностью постоянного общения с интеллектуалами во вне рабочее время. Дополненные доступностью модных и нужных товаров, эти практики позволяли женщинам-ученым быть свободными от забот и интенций, привычных для жительниц столиц, и с большей легкостью совмещать профессиональное и бытовое, обретая тот социальный оптимизм, который нашел отражение в их эгодокументах и современной исторической памяти.

Список источников

- Агамова Н., Аллахвердян А.* Динамика численности кадров в социальных науках и аспирантуре: гендерное исследование // Годичная научная конференция, 2013 / Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. М.: Ленанд, 2013. Т. 1. С. 248—249.
- Аганбегян А. Г.* Татьяна Заславская — Ученый с большой буквы // ЭКО. 2014. № 5. С. 5—14.
- Адян С. И. и др.* Людмила Всеволодовна Келдыш: (к столетию со дня рождения) // Успехи математических наук. 2005. Т. 60, № 4. С. 5—10.

- Аллахвердян А. Г.* Становление атмосферы «культы науки» в послевоенном СССР и социальная потребность в науковедческих исследованиях // Годичная научная конференция, 2013 / Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. М.: Ленанд, 2013. Т. 1. С. 246—247.
- Амирьянц Г. А.* Академик А. А. Дородницын. М.: Наука, 2013. 431 с.
- Белова А. В.* Женская повседневность как предмет истории повседневности // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. М.: Новое лит. обозрение, 2013. С. 25—67.
- Белова А. В.* Социальный оптимизм как интенция в женской автобиографической памяти // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2023. № 2. С. 5—20.
- Бессарабов-Гончаров М. В.* Влияние социальной среды на формирование творческого потенциала личности в обществе поздней современности // Актуальные вопросы общественных наук. Новосибирск: СибАК, 2014. С. 86—91.
- Богдашина И. В.* Хозяйственно-бытовые заботы как важная часть повседневной жизни женщины-врача в г. Сталинграде (Волгограде) // Тульский научный вестник. Сер.: История. Языкознание. 2023. Вып. 2. С. 31—41.
- Визит французов в Академгородок // Новосибирский городской фотожурнал. URL: https://vk.com/video-10392020_171038433 (дата обращения: 17.01.2025).
- Вознесенский А.* Собрание сочинений. М.: Вагриус, 2003. Т. 5. 201 с.
- Власова Е. Ю.* Исторические предпосылки создания первого советского ядерного центра КБ-11 // Вестник Чувашиянского университета. 2010. № 1. С. 48—52.
- Воронежцы: знаменитые биографии в истории края. Воронеж: Кварта, 2007. 520 с.
- Володарская Е. А., Разина Т. В.* Образ женщины-ученого в изобразительном искусстве СССР как отражение гендерного неравенства в науке // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8, № 1. С. 125—127.
- Гаврилова Р. А.* История становления Обнинска, 1940—1960-е гг. Калининград: Аксиос, 2013. 228 с.
- Гай Д.* Небесное притяжение. М.: Моск. рабочий, 1984. 221 с.
- «Дубна, мечта моя...» / сост. Л. Орелович. Дубна: Объед. ин-т ядер. исслед., 2020. 79 с. URL: http://www1.jinr.ru/Books/Dubna_mechta.pdf (дата обращения: 17.01.2025).
- Ермиков В. Д.* Начинал как строитель // «И забыть по-прежнему нельзя...»: сборник воспоминаний. Новосибирск: [б. и.], 2007. С. 20—21.
- Женщины — доктора наук // Советская женщина. 1957. № 2. С. 15.
- Женщина-математик с фамилией, известной каждому // Математика для всех. 18.01.2022. URL: <https://dzen.ru/a/YeaEBlzBCmTAGdQb> (дата обращения: 17.01.2025).
- Жидченко А. В., Пушкарева Н. Л.* Женская повседневность в Дубне в 1950—1960-е гг. // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 211—226.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1, № 3—4. С. 299—321.
- Запорожченко Г. М.* Повседневная жизнь новосибирского Академгородка в эго-документах «сибирских академин» (1958-й — конец 1960-х гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 3. С. 92—102.
- Кладницкая Е. Н.* Воспоминания // Библиотека еженедельника ОИЯИ. Дубна, 2020. С. 5—21.
- Кочина П. Я.* Воспоминания. М.: Наука, 1974. 299 с.
- Кочина П. Я.* Наука. Люди. Годы: воспоминания и выступления. М.: Наука, 1988. 623 с.
- Кочина П. Я.* Я благодарна ему за Сибирь... // Век Лаврентьева. Новосибирск: СО РАН, фил. «ГЕО», 2000. С. 210—231.

- Лобойко Б. Г.* Феоктистова Екатерина Алексеевна // На орбитах памяти: об основателях и создателях уральского ядерного центра. Снежинск: Изд-во РФЯЦ — ВНИИТФ, 2009. С. 632—640.
- Малых А. Е., Данилова В. И.* Талант к таланту: (к 110-летию со дня рождения П. Я. Кочкиной) // Вестник Пермского университета. Математика. Механика. Информатика. 2009. Вып. 7. С. 137—147.
- Марчук О. Н.* Сибирский феномен. Академгородок в первые двадцать лет. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997. 236 с.
- М. В. Келдыш Творческий портрет по воспоминаниям современников. М.: Наука, 2002. 399 с. URL: https://www.keldysh.ru/memory/keldysh/vera_keldysh.htm (дата обращения: 17.01.2025).
- Новосибирский горархив. Ф. 33. Д. 16. Л. 3.
- Научное сообщество физиков СССР, 1950—1960-е и другие годы: документы, воспоминания, исследования. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманист. акад., 2007. Вып. 2. 752 с.
- Николаева Г.* Я люблю нейтрино! // Наука и жизнь. 1968. № 4. С. 108—113.
- Пелагея Яковлевна Полубаринова-Кочина. Новосибирск: ГЕО, 2013. 259 с.
- Пискунов М. О.* «Большая» история Академгородка // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 140—147.
- Притвиц Н. А.* Я знаю, город будет!: из дневника аборигена новосибирского Академгородка // Наука в Сибири. 2002. 17 мая (№ 19). С. 5.
- Пушкарева Н. Л.* Общая линия жизни и репрезентация успешности в автобиографиях и автобиографических интервью женщин-ученых // Tractus aevorum. 2014. Т. 1, № 1. С. 15—28.
- Пушкарева Н. Л.* Труд и отдых женщин-ученых в оценках их самих в советской и постсоветской России // Этнографическое обозрение. 2021. № 3. С. 98—105.
- Растет и хорошеет город науки // Советская Сибирь. 1961. 16 декабря.
- Раткин Л.* О женщинах-ученых // Инвестиции в России. 08.03.2011. URL: https://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?_language=ru&id=d0d6ec3c-423a-4ffb-91cc-de23985cfe49&print=1 (дата обращения: 17.01.2025).
- Сарданаивили Г. А.* Между рассветом и закатом: советская физика в 1950—1979 гг. М.: Ленанд, 2014. 225 с.
- Сергей Петрович Новиков: к семидесятилетию со дня рождения: интервью, статьи, выступления. М.: Моск. центр непрерыв. мат. образования, 2015. 168 с.
- Сосинский А. Б.* Золотая эра мехмата (1957—1967) глазами приезжего // Математическое просвещение. Третья серия. 2018. Вып. 22. С. 17—34.
- Сосинский А. Б.* О мухобойной возне и низкопробном шике // Истории о великих математиках. 2022. URL: <https://arzamas.academy/mag/1051-math> (дата обращения: 17.01.2025).
- Фетисова Н.* Женское лицо атомной отрасли // АтомЭксперт. 2019. Т. 5. URL: https://atomicexpert.com/women_in_nuclear (дата обращения: 17.01.2025).
- Черниговский Д.* Подмосковный Версаль авиационной науки. Ч. 2: Коттеджи (ул. Пушкина, Ломоносова). 23.12.2019. URL: <https://dm-chemigovsky.livejournal.com/1269.html> (дата обращения: 17.01.2025).
- Эти загадочные англичанки / сост. Е. Ю. Гениева. М.: Прогресс, 1992. 505 с.
- Эфроимсон В. П.* Генетика гениальности. М.: АСТ, 2019. 480 с.
- Bourdieu P.* La Domination Masculine. Paris: Seuil, 1998. 134 p.
- Connel R.* Glass ceilings or gendered institutions? // Public Administration Review. 2006. November (№ 6). P. 837—849.

- Sentker A. Die exotische Frau Professor // Die Zeit. 2007. № 8 (15 Februar). URL: <https://www.zeit.de/2007/08/Frauen-in-der-Wissenschaft> (дата обращения: 17.01.2025).
- Shetterly M. Hidden Figures. The Untold Story of the African American Women Who Helped Win the Space Race. New York: William Collins, 2017. 346 p.
- Spencer K. A. People's History of Silicon Valley. London: Eyewear Publishing, 2019. 228 p.

References

- Adyan, S. I. et al. (2005) Liudmila Vsevolodovna Keldysh: (K stoletiiu so dnia rozhdeniia) [Lyudmila Vsevolodovna Keldysh: (On the centenary of her birth)], *Uspekhi matematicheskikh nauk*, vol. 60, no. 4, pp. 5—10.
- Agamova, N., Allahverdyan, A. (2013) Dinamika chislennosti kadrov v sotsial'nykh naukakh i aspiranture: gendernoe issledovanie [Dynamics of the number of personnel in the social sciences and in graduate school: a gender study], in: *Godichnaia nauchnaia konferentsiia, 2013*, Institut istorii estestvoznaniia i tekhniki imeni S. I. Vavilova, vol. 1, Moscow: Lenand, pp. 248—249.
- Aganbegyan, A. G. (2014) Tat'iana Zaslavskaya — Uchēnyĭ s bol'shoĭ bukvy [Tatyana Zaslavskaya — a Scientist with a capital S], *ĖKO*, no. 5, pp. 5—14.
- Allahverdyan, A. G. (2013) Stanovlenie atmosfery "kul'ta nauki" v poslevoennom SSSR [Formation of the atmosphere of the "cult of science" in the post-war USSR], in: *Godichnaia nauchnaia konferentsiia, 2013*, Institut istorii estestvoznaniia i tekhniki imeni S. I. Vavilova, vol. 1, Moscow: Lenand, pp. 246—247.
- Amiryants, G. A. (2013) *Akademik A. A. Dorodnitsyn* [Academician A. A. Dorodnitsyn], Moscow: Nauka.
- Belova, A. V. (2013) Zhenskaia povsednevnost' kak predmet istorii povsednevnosti [Women's everyday life as a subject of everyday history], *Rossiiskaia povsednevnost' v zerkale gendernykh otnosheniĭ*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 25—67.
- Belova, A. V. (2023) Sotsial'nyi optimizm kak intentsiia v zhenskoĭ avtobiograficheskoi pamiati [Social optimism as an intention in women's autobiographical memory], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Istorii, no. 2, pp. 5—20.
- Bessarabov-Goncharov, M. V. (2014) Vliianie sotsial'noi sredy na formirovanie tvorcheskogo potentsiala lichnosti v obshchestve pozdnei sovremennosti [The influence of the social environment on the formation of the creative potential of the individual in the society of late modernity], in: *Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk*, Novosibirsk: SibAK, pp. 86—91.
- Bogdashina, I. V. (2023) Hoziaĭstvenno-bytovye zaboty kak vazhnaia chast' povsednevnoi zhizni zhenshchiny-vracha v gorode Stalingrade (Volgograd) [Household chores as an important part of the daily life of a female doctor in the city Stalingrad (Volgograd)], *Tul'skii nauchnyi vestnik*, seriia Istorii, Iazykoznanie, vol. 2, pp. 31—41.
- Bourdieu, P. (1998) *La Domination Masculine*, Paris: Seuil.
- Chernigovsky, D. (2019) *Podmoskovnyiĭ Versal' aviatsionnoi nauki* [Moscow region Versailles of aviation science], pt. 2, Kottedzhi (ul. Pushkina, Lomonosova), 23.12.2019, available from <https://dm-chernigovsky.livejournal.com/1269.html> (accessed 17.01.2025).
- Connel, R. (2006) Glass ceilings or gendered institutions?, *Public Administration Review*, November, no. 6, pp. 837—849.
- «Dubna, mehta moia...» (2020) ["Dubna, my dream..."], Dubna: Ob"edinēnyiĭ institut iadernykh issledovaniĭ, available from http://www1.jinr.ru/Books/Dubna_mehta.pdf (accessed 17.01.2025).

- Ermikov, V. D. (2007) Nachinal kak stroitel' [Started out as a builder], in: «*I zabyt' po-prezhnemu nel'zia...*»: sbornik vospominanii, Novosibirsk, pp. 20—21.
- Éfroimson, V. P. (2019) *Genetika genial'nosti* [Genetics of genius], Moscow: AST.
- Éti zagadochnye anglichanki (1992) [These mysterious Englishwomen], Moscow: Progress.
- Fetisova, N. (2019) Zhenskoe litso atomnoï otrasli [The female face of the nuclear industry], *AtomÈkspert*, vol. 5, available from https://atomicexpert.com/women_in_nuclear (accessed 17.01.2025).
- Gai, D. (1984) *Nebesnoe pritiazhenie* [Heavenly attraction], Moscow: Moskovskii rabochii.
- Gavrilova, R. A. (2013) *Istoriia stanovleniia Obninska, 1940—1960-e gg.* [History of the formation of Obninsk, 1940—1960s], Kaliningrad: Aksios.
- Kladnitskaya, E. N. (2020) Vospominaniia [Memories], *Biblioteka ezhenedel'nika OIIaI*, Dubna, pp. 5—21.
- Kochina, P. Ya. (1974) *Vospominaniia* [Memories], Moscow: Nauka.
- Kochina, P. Ya. (1988) *Nauka. Liudi. Gody: Vospominaniia i vystupleniia* [Science. People. Years: Memories and speeches], Moscow: Nauka.
- Kochina, P. Ya. (2000) Ia blagodarna emu za Sibir'... [I am grateful to him for Siberia...], in: *Vek Lavrent'eva*, Novosibirsk: SO RAN-GEO, pp. 210—231.
- Loboyko, B. G. (2009) Feoktistova Ekaterina Alekseevna [Feoktistova Ekaterina Alekseevna], in: *Na orbitakh pamiati: Ob osnovateliakh i sozidateliakh ural'skogo iadernogo tsentra*, Snezhinsk: Izd-vo RFIA Ts — VNIITF, pp. 632—640.
- Malyh, A. E., Danilova, V. I. (2009) Talant k talantu: (K 110-letiiu so dnia rozhdeniia P. Ya. Kochinoï) [Talent for talent: (On the 110th anniversary of P. Ya. Kochina's birth)], *Vestnik Permskogo universiteta*, Matematika, Mekhanika, Informatika, vol. 7, pp. 137—147.
- Marchuk, O. N. (1997) *Sibirskii fenomen. Akademgorodok v pervye dvadtsat' let* [Siberian phenomenon. Akademgorodok in the first twenty years], Novosibirsk: Sibirskii khronograf.
- M. V. Keldysh. *Tvorcheskii portret po vospominaniiam sovremennikov* (2002) [M. V. Keldysh. A creative portrait based on the memoirs of contemporaries], Moscow: Nauka, available from https://www.keldysh.ru/memory/keldysh/vera_keldysh.htm (accessed 17.01.2025).
- Nauchnoe soobshchestvo fizikov SSSR, 1950—1960-e i drugie gody: Dokumenty, vospominaniia, issledovaniia* (2007) [Scientific community of physicists of the USSR, 1950—1960s and other years: Documents, memories, research], iss. 2, St. Petersburg: RKhGA.
- Nikolaeva, G. (1968) Ia liubliu neïtrino! [I love neutrinos!], *Nauka i zhizn'*, no. 4, pp. 108—113.
- Pelageia Iakovlevna Polubarinova-Kochina* (2013) [Pelageya Yakovlevna Polubarinova-Kochina], Novosibirsk: GEO.
- Piskunov, M. O. (2020) “Bol'shaia” istoriia Akademgorodka [The “Big” history of Akademgorodok], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 459, pp. 140—147.
- Pritvits, N. A. (2002) Ia znaiu, gorod budet!: Iz dnevnika aborigena novosibirskogo Akademgorodka [I know, the city will be!: From the diary of a native of the Novosibirsk Akademgorodok], *Nauka v Sibiri*, May 17, no. 19, p. 5.
- Pushkareva, N. L. (2014) Obshchaia liniia zhizni i reprezentatsiia uspeshnosti v avtobiografiakh i avtobiograficheskikh interv'iu zhenshchin-uchënykh [General life line and representation of success in autobiographies and autobiographical interviews of women scientists], *Tractus aevorum*, vol. 1, no. 1, pp. 15—28.
- Pushkareva, N. L. (2021) Trud i otdykh zhenshchin-uchënykh v otsenkakh ikh samikh v sovetskoï i postsovetskoï Rossii [Work and leisure of women scientists in their own

- ratings in Soviet and post-Soviet Russia], *Étnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 98—105.
- Rastët i khorosheet gorod nauki (1961) [The city of science is growing and becoming more beautiful], *Sovetskaia Sibir'*, December 16.
- Ratkin, L. (2011) O zhenshchinakh-uchënykh [On women scientists], *Investitsii v Rossii*, 08.03.2011, available from https://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?_language=ru&id=d0d6ec3c-423a-4ffb-91cc-de23985cfe49&print=1 (accessed 17.01.2025).
- Sardanashvili, G. A. (2014) *Mezhdru rassvetom i zakatom. Sovetskaia fizika v 1950—1979 gg.* [Between dawn and dusk: Soviet physics 1950—1979], Moscow: Lenand.
- Sentker, A. (2007) Die exotische Frau Professor, *Die Zeit*, no. 8, 15 Februar, available from <https://www.zeit.de/2007/08/Frauen-in-der-Wissenschaft> (accessed 17.01.2025).
- Sergeï Petrovich Novikov: *K semidesiatiletiiu so dnia rozhdeniia* (2015) [Sergey Petrovich Novikov: On the occasion of his seventieth birthday], Moscow: MCNMO.
- Shetterly, M. (2017) *Hidden Figures. The Untold Story of the African American Women Who Helped Win the Space Race*, New York: William Collins.
- Sosinsky, A. B. (2018) Zolotaia èra mekhmata (1957—1967) glazami priezzhego [The golden era of the faculty of Mechanics and Mathematics (1957—1967) through the eyes of a visitor], *Matematicheskoe prosveshchenie*, tret'ia seriia, iss. 22, pp. 17—34.
- Sosinsky, A. B. (2022) O mukhoboïnoï vozne i nizkoprobno m shike [On fly-swatting fuss and low-grade chic], *Istorii o velikikh matematikakh*, available from <https://arzas.academy/mag/1051-math> (accessed 17.01.2025).
- Spencer, K. A. (2019) *People's History of Silicon Valley*, London: Eyewear Publishing.
- Vizit frantsuzov v Akademgorodok [Visit of the French to Akademgorodok], in: *Novosibirskii gorodskoi fotozhurnal*, available from https://vk.com/video-10392020_171038433 (accessed 17.01.2025).
- Vlasova, E. Yu. (2010) Istoricheskie predposylki sozdaniia pervogo sovetskogo iadernogo tsentra KB-11 [Historical background for the creation of the first Soviet nuclear center KB-11], *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, no. 1, pp. 48—52.
- Volodarskaya, E. A., Razina, T. V. (2017) Obraz zhenshchiny-uchënogo v izobrazitel'nom iskusstve SSSR kak otrazhenie gendernogo neravenstva v nauke [The image of a female scientist in the fine arts of the USSR as reflection of gender inequality in science], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, vol. 8, no. 1, pp. 125—127.
- Voronezhtsy: znamenitye biografii v istorii kraia (2007) [Voronezh residents: famous biographies in the history of the region], Voronezh: Kvarta.
- Voznesensky, A. (2003) *Sobranie sochinenii* [Collected works], vol. 5, Moscow: Vagrius.
- Zaporozhchenko, G. M. (2022) Povsednevnaia zhizn' novosibirskogo Akademgorodka v ègodokumentakh "sibirskikh akademii" (1958 — konets 1960-kh gg.) [Everyday life of the Novosibirsk Akademgorodok in the egodocuments of the "Siberian academies" (1958 — the end of the 1960s)], *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 29, no. 3, pp. 92—102.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2003) Gosudarstvennoe konstruirovaniye gendera v sovetskom obshchestve [State construction of gender in Soviet society], *Zhurnal issledovaniï sotsial'noi politiki*, vol. 1, no. 3—4, pp. 299—321.
- Zhenshchina-matematik s familiei, izvestnoi kazhdomu (2022) [A woman mathematician with a surname known to everyone], *Matematika dlia vsekh*, 18.01.2022, available from <https://dzen.ru/a/YeaEBIzBCmTAGdQb> (accessed 17.01.2025).
- Zhenshchiny — doktora nauk (1957) [Women — Doctors of Science], *Sovetskaia zhenshchina*, no. 2, p. 15.
- Zhidchenko, A. V., Pushkareva, N. L. (2023) Zhenskaia povsednevnost' v Dubne v 1950—1960-e gg. [Everyday life of women in Dubna in the 1950s—1960s], *Étnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 211—226.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 03.03.2025.

The article was submitted 10.02.2025; approved after reviewing 24.02.2025; accepted for publication 03.03.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Center for Gender Studies, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Жидченко Александр Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, travel822@yandex.ru (Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Center for Gender Studies, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).